Исторические

МОРДОВСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Абрамов В.К.
Саранск

Отечественная историография накопила довольно обширную литературу по проблемам мордовского народа XX в. Отдельные их аспекты были освещены уже в 1900-х гг. в статьях С.В. Аникина, В.В. Бажанова, М.Е. Евсевьева, Г.К. Ульянова и др. Большинство этих работ были либо этнографическими, либо злободневно-публицистическими – написанными в условиях Первой русской революции. В 1914 г. Ф.Ф. Советкиным в Московском коммерческом институте была защищена кандидатская диссертация «Историко-этнографический очерк мордвы», в которой раскрывался ряд социально-политических вопросов новейшей истории.

В 1920-х – начале 1930-х гг. наблюдается настоящий информационный взрыв в сфере исследования национальной мордовской истории. Публикуются работы Д.И. Васильева, Т.В. Васильева, А.А. Гераклитова, М.Е. Евсевьева, А.Е. Любимова, М.Т. Маркелова, Г.А. Полумордвинова, П.С. Рыкова[1] и др., в которых ученые обращались к различным сторонам современного экономического и социально-политического состояния мордвы. Эти исследования, выполненные на высоком профессиональном уровне, хотя и в рамках общепартийных установок, являли собой новый шаг в развитии мордовской историографии. Но они часто были направлены на решение политической задачи создания мордовской автономии, что приводило к гипертрофированному показу одних сторон народной жизни и замалчиванию других. Как правило, преувеличивалась культурная «отсталость и бедность мордвы, преуменьшались ее достижения до Октябрьской революции.

Казни второй половины 1930-х гг. по сфабрикованным обвинениям с одной стороны, буквально выбили лучшую часть мордовских историков, что существенно сказалось на уровне научных публикаций, а другой стороны, сделали чрезвычайно опасной саму тематику из области современной истории мордвы, ибо любое объективное исследование неизбежно влекло за собой обвинение в национализме, антисоветской пропаганде и т.п. Поэтому в конце 1930-х начале 1940-х гг. историки ориентировались преимущественно на сферы, изучение которых не входило в противоречие с общепартийными установками и национальной политикой на местах (классовая борьба, развитие промышленности и т.п.). Среди монографий, выпущенных в эти годы, можно отметить книги М.З. Бора, Т.Е. Купряшкина, В.И. Самаркина[2] и др. Тем не менее, именно в 1930-е гг. были подготовлены и позднее изданы в 4 тт. (6 кн.) «Документы и материалы по истории Мордовской АССР», которые до настоящего времени являются лучшим собранием документов по истории мордовского народа.

В период Второй мировой войны и первые послевоенные годы характер исторических работ определялся мобилизацией народных сил на победу и восстановление разрушенной страны, поэтому них преобладало пропагандистское и агитационное начало. Литература военных лет ценна тем, что чаще, чем когда-либо обращалась к народным героям, полководцам и т.п.[3]

«Оттепель», наступившая после смерти И.В. Сталина, дала возможность новому поколению историков более реально, разумеется, в рамках коммунистической идеологии, оценить события начала XX в. С 1950-х гг. выходит значительное число монографий, освещающих практически все основные этапы истории Мордовии в первой половине XX в. В соответствии с марксистско-ленинской методологией, прежде всего, рассматривались важнейшие проявления классовой борьбы. Здесь, прежде всего следует назвать монографии М.В. Дорожкина и И.И. Фирстова[4]. Если отвлечься от общепринятой в те годы политической терминологии, то можно прийти к выводу, что данные тогда оценки причин революций 1905–1907 и 1917 гг. спра-

[1] Васильев Д.И. История мордовской народности. – М., 1932; Васильев Т.В. Мордовия. – М., 1931; Гераклитов А.А. Саратовская мордва. – Саратов, 1926; Евсевьев М.Е. Мордва Татреспублики. – Казань, 1925; Любимов А.Е. Краткий исторический очерк мордовского народа. – Пенза, 1927; Маркелов М.Т. Мокшэрзятнень эрямо пингест. – М., 1929; Полумордвинов Г.А., Машкин А.Т., Рыков П.С. Очерки истории мордвы. – Пенза, 1929; Мордовское население Пензенской губернии, его прошлое и современное состояние / Под ред. Г.А. Полумордвинова. – Пенза, 1927 и др.

[2] Бор М.З. Развитие социалистической промышленности Мордовской АССР. – Саранск, 1941; Купряшкин Т.Е, Самаркин В.И. 1917 год в Мордовии. – Саранск, 1939; Купряшкин Т.Е. Революция 1905–1907 гг. на территории Мордовской АССР. – Саранск, 1942 и др.

[3] Самаркин В.И. Мордовский народ в борьбе за Родину. – Саранск, 1944; Руткевич Н. Славные сыны Мордовии на фронтах Великой Отечественной войны. – Саранск, 1946 и др.

[4] Дорожкин М.В. Установление Советской власти в Мордовии. – Саранск, 1957; Фирстов И.И. Мордовия в годы Первой русской революции. – Саранск, 1955.

ведливы и до настоящего времени почти не претерпели изменений. Этими же авторами достаточно подробно проанализированы последствия революций на территории Мордовии, в частности реализация Столыпинской реформы[5] и др.

Гражданская война, в которой Мордовский край явился одной из важнейших социально-политических, экономических и военных баз большевизма, также стала одной из главных тем в мордовской историографии 1950–1980-х гг.[6] Специальное исследование этой проблемы провели И.М. Корсаков и М.И. Романов[7]. На оснований большого документального материала они впервые обобщили деятельность государственных и военных органов по развертыванию административного аппарата, строительству 1-й армии Восточного фронта, подробно осветили ход боевых действий в Среднем Поволжье летом и осенью 1918 г. Эта книга стала значительным вкладом в историографию Гражданской войны. К сожалению, в ней мало представлен период 1919–1920 гг.

В 1960–1970-е гг. по теме Гражданской войны появились публикации И.А. Ефимова[8]. Автор, введя дополнительный архивный материал, рассмотрел военное строительство в Мордовии, причины и ход крестьянских восстаний начала 1919 г. Он впервые вышел за коммунистический ракурс, раскрыв место эсеров в этих событиях.

Одной из самых трагических страниц в истории мордвы коллективизации были посвящены работы М.В. Агеева – крупные для своего времени исследования[9]. Тем не менее, в них рассматривается преимущественно экономическая сторона процесса, они основаны, прежде всего, на официальной статистике и поэтому не создают полного представления о катастрофе и масштабе потерь, понесенных мордовским народом в эти годы.

Тема возрождения мордовской государственности, пожалуй, самая изученная в национальной историографии. Она подробно рассматривается в монографиях И.А. Васькина, И.А. Яшкина, Т.В. Попкова, является центральной в книгах М.С. Букина[10]. Всесторонне проанализированы основные этапы формирования мордовской автономии, содействующие и противодействующие факторы. Рассказывается также о деятелях, оказавших существенное влияние на этот процесс. Все же, на наш взгляд, идеологическая атмосфера тех лет, недоступность секретных документов из фондов КГБ не дали возможности более подробно осветить особенности и негативные последствия для мордвы реализации общероссийской схемы государственного оформления немногочисленных народов.

Проблемы развития мордовской культуры и формирования национальной интеллигенции в первой половине XX в. обстоятельно исследованы А.Л. Киселевым и В.С. Ивашкиным[11]. Основные классы, социальные группы и политические организации населения края в XX в. охарактеризовал Н.Е. Адушкин[12]. Кроме того, мордовские историки подготовили ряд работ, в которых с позиций официальной методологии диахронно был описан ряд важнейших сфер общественной жизни края[13]. В эти же годы были

[5] Фирстов И.И. Аграрная реформа Столыпина на территории Мордовии // Зап. / МНИИЯЛИЭ. – Саранск, 1952.- Вып. 15. – С. 82–100.

[6] См.: Дорожкин М.В. Указ. соч.; Жиганов М.Ф. За власть Советов. – Саранск, 1957; Под звездой Октября. – Саранск, 1967; Незабываемые годы. – Саранск, 1967; Абрамов В.К. Крестьянство Мордовии в годы гражданской войны: Автореф. дис. канд. ист. наук. – Горький, 1982 и др.

[7] Корсаков И.М., Романов М.Н. Из истории Мордовии в годы Гражданской войны. – Саранск, 1958.

[8] См.: Ефимов И.А. Мордовия в годы гражданской войны и иностранной интервенции: Автореф. дис. канд. ист. наук. – М., 1968; Он же, Помощь трудящихся Мордовии в разгроме Колчака Тр. / МНИИЯЛИЭ.- Саранск, 1969. – Вып. 38. – С. 149–168; Он же. Развитие социалистической революции в деревне летом и осенью 1918 г. // Вопросы истории и археологии Мордовской АССР. – Саранск, 1976. – Вып. 2. – С. 18–33 и др.

[9] См.: Агеев М.В. Победа колхозного строя в Мордовской АССР. – Саранск,1960;

Он же. Социалистическое преобразование сельского хозяйства Мордовской АССР. – Саранск, 1979.

[10] См.: Васькин И.А. Национальное возрождение мордовского народа. – Саранск, 1956; Яшкин И.А. Формирование мордовской социалистической нации. – Саранск, 1960; Яшкин И.А. Мордовская социалистическая нация – детище Октября. – Саранск, 1978; Попков Т.В. Осуществление ленинской национальной политики в Мордовии (1917–1962). – Саранск, 1963; Букин М.С. Образование Мордовской АССР. Саранск, 1964; Букин М.С. Образование и развитие Мордовской автономии. – Саранск, 1977; Букин М.С. Становление Мордовской советской национальной государственности. – Саранск, 1990 и др.

[11] См.: Киселев А.Л. Социалистическая культура Мордовии. – Саранск, 1959; Ивашкин В.С. Формирование советской интеллигенции в Мордовии. – Саранск, 1977.

[12] Адушкин Н.Е. Социально-экономическое развитие села Мордовии. – Саранск, 1975; Адушкин Н.Е. Рабочий класс Мордовии. – Саранск, 1981; Адушкин Н.Е. Народная, национальная, социалистическая. – Саранск, 1988.

[13] См.: Ивашкин С.С. Рабочий класс в борьбе за победу колхозного строя в Мордовии. – Саранск, 1957; Очерки истории Мордовской организации КПСС. – Саранск, 1979; Ососков В.А., Котков К.А. Народное образование в Мордовской АССР. – Саранск, 1946; Талдин Н.В. Очерки истории мордовской школы. – Саранск, 1956; Сандина Т.И. Развитие народного образования в Мордовии. – Саранск, 1969; Кирдяшкин В.В. Мордовия на пути к всеобщему среднему образованию. – Саранск, 1974; Автайкин И.Е. Периодическая печать Мордовии в годы социалистического строительства.- Саранск, 1975; Климкина А.В. Женщины Мордовии в борьбе за социализм. – Саранск, 1976; Из истории формирования и развития рабочего класса Мордовии. – Саранск, 1977 и др.

выпущены труды обобщающего характера. Несомненным достижением национальной исторической науки стал выход в конце 1950-х – начале 1960-х гг. «Очерков истории Мордовской АССР»[14]. В них отражена история мордовского народа с древности до середины XX в. на уровне лучших научно-теоретических исследований того времени. Поставленные в жесткие рамки политической цензуры, авторы «Очерков» тем не менее, отказались от использования заведомо фальсифицированных статистических сведений из официальных справочников и пропагандистских брошюр. Если они и не могли привести какие-либо действительные факты, то, во всяком случае, намекали на них, используя для этого общие фразы из лексикона партийных директив. Такая форма изложения событий, несмотря на все свои недостатки, позволила создателям «Очерков» правдиво отразить многие сложные процессы истории мордовского народа и края, что до сих пор сохраняет научную значимость этого фундаментального труда.

Существенно меньшим по объему оказался двухтомник «История Мордовской АССР», выпущенный через двадцать лет после «Очерков»[15]. Его авторы на базе дополненных архивных материалов, с учетом накопленного опыта попытались сказать новое слово в национальной историографии. И хотя им не удалось охватить объем проблематики «Очерков» (в частности, уделено меньше внимания столыпинским реформам, Первой мировой войне, Февральской революции и др.) все же этот труд соответствовал достигнутому, мордовской историографией, научно-теоретическому уровню.

Этого, к сожалению, нельзя сказать об «Истории советского крестьянства Мордовии»[16]. Большинство авторов, участвовавших в ее написании, не специализировалось на аграрных проблемах. И хотя книга выходила в свет в условиях практически снятой политической цензуры, при открытых архивах, использованные в ней методологические подходы явились шагом назад даже по сравнению с исследованиями 1950–1970-х гг. Особенно наглядно это проявилось при рассмотрении общих проблем «военного коммунизма», коллективизации, голода 1921–1922 гг. В то время как в границах современной Республики Мордовия уже были подсчитаны основные сельскохозяйственные показатели 1911–1912, 1917, 1920 гг., авторы, статистически иллюстрируя этот период, пользовались хронологически несовместимой уездной статистикой, не предупреждая читателя, что площади уездов в рассматриваемое время значительно менялись. Примерно на таком же уровне получился новый трёхтомник по истории Мордовии, выпущенный в 2000-е гг.

Лучшие из работ второй половины XX в. выполнены с использованием богатого фактического материала, вводят в научный оборот большое количество архивных документов и в совокупности дают достаточно емкое представление об истории мордовского края в рассматриваемый период. Но и они имеют три существенных недостатка.

Первый вытекает из методологически детерминированного взгляда на нацию как общность людей, объединенных главным образом единством экономики и территории. Поэтому объектом анализа в них берется не мордовский народ, а население Мордовии, которое было преимущественно русским. Территория современной Мордовии, является весьма удобной моделью для изучения социально-экономического и социально-политического межнационального взаимодействия, характерного для Среднего Поволжья и среды мордовского народа в частности. Но реализация подобной модели становится возможной лишь при четком уяснении соотношения основных социально-экономических параметров различных национальных групп, и вытекающих из этого соотношения особенностей их социально-политического поведения. Подобной дифференциации в этих работах не было, а национальный аспект отражался фрагментарно, как правило; на уровне отдельных примеров.

Второй недостаток, методический, был обусловлен невысоким уровнем применения количественного анализа в отечественной исторической науке, в том числе и мордовской. Дело в том, что территория Республики Мордовия сложилась из фрагментов различных административных единиц трех экономико-географических регионов страны. С XIX столетия до образования Мордовского округа (1928 г.) она охватывала последовательно части трех-четырех губерний и восьми-тринадцати уездов. При этом ни один из этих уездов полностью в состав Мордовии не вошел, к тому же их границы значительно менялись: например, площадь Ардатовского уезда – от 4,0 до 6,4 тыс. км^2; Инсарского от 2,9 до 4,5; Краснослободского – от 4,1 до 6,5; Саранского – от 3,4 до 4,6; Сергачского – от 3,2 до 6,9; Спасского (Беднодемьяновского) – от 4,0 до 8,6; Темниковского – от 3,0 до 5,4 тыс. км^2 и т.д.

[14] Очерки истории Мордовской АССР. В 2 тт. – Т.1. – Саранск, 1955; Т. 2. – Саранск, 1961. – Этому изданию дают высокую оценку многие ведущие историки страны.

[15] См.: История Мордовской АССР: В 2 т. – Т. 1. – Саранск, 1979; Т. 2. – Саранск, 1981.

[16] См.: История советского крестьянства Мордовии. – Ч. 1. – Саранск, 1987.

В таких условиях единственным способом получения точного статистического материала является суммирование извлеченных из публикаций и архивов данных мелких административных единиц – волостей, сел, сельских обществ, располагавшихся на территории, занимаемой ныне РМ. Из-за чрезвычайной трудоемкости этого метода исследователи просто суммировали общеуездные сведения. Если в Мордовию вошло более половины уезда, он брался целиком, если менее – обычно отбрасывался. Вот типичный пример из «Истории Мордовской АССР»: «Для социально-экономической характеристики края авторы, пользовались сведениями по Инсарскому, Краснослободскому, Наровчатскому, Саранскому уездам Пензенской губернии, Ардатовскому уезду Симбирской губернии, Спасскому и Темниковскому уездам Тамбовской губернии». Подобный статистический подход приводил, по крайней мере, к трем существенным последствиям:

– становилось невозможным сопоставление абсолютных показателей Мордовской республики, области, округа с совокупностью указанных уездов, т. е. нарушалось одно из важнейших условий применения диахронного метода исследования;

– диахронное сопоставление количественных данных по одним и тем же уездам без учета территориальной динамики последних порождало, недопустимо большие погрешности;

– «смазывалось» представление о национальной специфике края, Ибо при создании мордовской автономии в ее границы из уездов-доноров включались, прежде всего, мордовские села.

Наконец, третьей, важнейшей особенностью книг этого периода является их базирование, в основном, на официальной статистике, которая часто не соответствовала действительному положению дел.

С конца 1980-х гг. начался пересмотр ряда прежних исторических установок. Этот процесс зародился в центральных научных учреждениях. Мордовию он затронул в 1990-е годы. Здесь следует отметить, что проблемы революций 1905–1917 гг. и Гражданской войны не претерпели в местной историографии существенных изменений. Это связано, как с высоким научным уровнем ранних публикаций (Очерки истории Мордовской АССР. В 2 тт. и др.), так и с характером социальных изменений в мордовской среде. В нашем многонациональном, аграрном крае эти социально-политические события явились спонтанным, часто стихийным, выражением воли населяющих его народов и основных социальных категорий населения, боровшихся за повышение своего социального и национального статуса. В то же время проблемы нэпа, коллективизации и, особенно, репрессий подверглись кардинальному пересмотру[17]. В освещении последней темы активное участие приняли журналисты и прежде всего В.В. Епишин[18]. Была разработана методика получения точной статистической базы по территории Мордовии конца XIX – начала XX в., успешно апробированная в ряде изданий[19].

В эти годы выходят интересные книги, посвященные разнообразным аспектам истории края в XX веке[20]. Выпущено немало монографий по этнографическим и культурным проблемам[21]. Большим успехом мордовской исторической науки следует признать выход в 2004 г. коллективной монографии «Мордва. Историко-культурные очерки» (гл. ред. Н.П. Макаркин). Продуманная структура книги, охватившая ключевые проблемы темы и умело подобранный коллектив авторов и редакторов позволили в целом создать и опубликовать фундаментальное

[17] См.: Филатов Л.Г. Коллективизация в Мордовии // На перекрестке мнений. Саранск, 1990. С. 186–199; Адушкин Н.Е. Трагедия сельских тружеников // Вести. Мордов. ун-та: 1992. № 1. С. 13–15; Юрченков В.А. Провинциальные реалии нэпа // На перекрестке мнений. С. 165–185; Ивашкин В.С. Знать и помнить // На перекрестке мнений. С. 200–204.

[18] 18 Епишин В.В. Мартиролог 1937-го // Полит, вести. 1989. – № 3. – С. 4 45; Епишин В.В. По следам расстрелянной экспедиции // Саранские вести. 1995. 26 янв.; Директорский мартиролог // Там же. 14 февр.; Кровавая чехарда // Там же. 26 февр. и др.

[19] См. Абрамов В.К. Математические методы в исторических исследованиях. – Саранск, 1988. – С. 64–71; Он же, Количественный анализ в исторических исследованиях. – Саранск, 1996. – С. 62–68; Он же, Мордовский народ (1897–1939). – Саранск, 1996.

[20] См.: Исторические и политические науки в контексте современной культурной традиции. Материалы IV Сафаргалиевских чтений. – Саранск, 1999; Становление государственности Мордовии. Сб. материалов научно-практич. конф. посв. 70-летию Мордовии. – Саранск, 2000; Финно-угорский мир: история и современность. Исторические и педагогические науки. Материалы II Всероссийской науч. конф. финно-угроведов. – Саранск, 2000; Мордовия в период реформ. Материалы II Меркушкинских научных чтений. – Саранск, 2001; История в культуре и культура в истории. Материалы Y Сафаргалиевских чтений. – Саранск, 2001; Абрамов В.К. Мордвины вчера и сегодня. – Саранск, 2002; Мордовское национальное движение в XX веке. – Саранск, 2003; Проблемы новейшей истории и этнографии Мордовского края. – Саранск, 2003; Этноистория и этнокультура восточных финно-угров. – Ч.1. – Саранск,2003; Репрессии 1930-х гг. в Мордовии и их последствия. Саранск, 2004; Абрамов В.К. Мордовский народ от съезда к съезду. Саранск, 2004 и др.

[21] См.: Балашов В.А. Бытовая культура мордвы. – Саранск, 1992; Мордва. Историко-культурные очерки. – Саранск, 1995; Корнишина Г.А. Традиционные обычаи и обряды мордвы. м Саранск, 2000; Беляева Н.Ф. Традиционное воспитание детей у мордвы. – Саранск, 2000; Мокшин Н.Ф. Материальная культура мордвы. – Саранск, 2002 и др.

исследование по основным этнографическим, социально-политическим, социально-экономическим и культурным аспектам истории мордовского народа с древнейших времен до наших дней. Этот труд заслуженно получил высокую оценку не только мордовских, но и крупнейших ученых России[22].

В то же время следует отметить, что пересмотр социально-политических проблем, иногда заключался лишь в прикрытии старых установок новой терминологией. Это проявилось, главным образом, в переводе идей, из рамок теории классовой борьбы в рамки теории модернизации, и связывавших, например, сначала коллективизацию и репрессии вообще с экономическими, политическими и социальными предпосылками построения коммунизма, а затем просто с построением индустриального и постиндустриального общества. Этот подход, в свою очередь, социально связан с тем, что значительная часть гуманитариев Мордовии, ранее работавших на кафедрах истории КПСС и научного коммунизма, и переименовав их в кафедры политологии, социологии, регионоведения и т.д., сохранила в неприкосновенности свой прежний менталитет и вполне освоила «новояз» периода движения от «развитого социализма» к недоразвитому капитализму.

Актуальной остается проблема использования точной статистики. Не смотря на то, что уже с 1985 г. в Мордовском университете читается курс «Количественные методы в исторических исследованиях», большинство историков края не смогли их освоить и по-прежнему, применяют методику начала XX в.

Наконец, вызывает опасение развитие такого явления как прентизм – использование действительных или вымышленных исторических событий в качестве обоснования юбилеев и проч. с соответствующими наградами, дотациями и т.д. Например, в 1985 г. пышно отпраздновали «500-летний юбилей вхождения мордовского народа в состав России», хотя все документы относят присоединение Поволжья, а, следовательно, и основной территории мордвы к 1551–1552 гг. Понятно, что такие явления, давая, может быть, краткую политическую выгоду снижают доверие к историкам и к истории как науке.

В 1990-х – 2000-х гг. в Мордовии было выпущено большое количество книг, посвященных значительным событиям прошлого или по случаю юбилеев различных ведомств. Почти все они богато и красочно оформлены и, представляют скорее альбомы, чем привычные исторические книги. К сожалению, у многих из них внутреннее содержание не соответствует внешнему, а порой они грешат грубыми ошибками, совершенно недопустимыми в исторических изданиях[23].

Тем не менее, пример коллективной монографии «Мордва» и др. показывает, что у мордовских историков достаточно сил для достойного отражения исторических событий.

[22] См. Российские академики Главе РМ. / «Известия Мордовии», 2004. – 23 ноября. – С. 3.

[23] Подробный разбор подобных явлений представлен в работе: Абрамов В.К. Мордовская историография социально-политических проблем XX века / Мордовскрй автономии в составе России – 75 лет. – Саранск, 2005. – С. 4–25.

Культурология

ВСЕОБЩЕЕ (УНИВЕРСАЛЬНОЕ) ИСКУССТВОЗНАНИЕ КАК НОВОЕ НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Демченко А.И.

Саратовская государственная консерватория (академии) им. Л.В. Собинова, Саратовский государственный университет, Саратовский государственный социально-экономический университет, Саратов, Россия

alexdem43@mail.ru

Многовековая традиция наук, связанных с художественной культурой, почти всегда и во всём была ориентирована на раздельное восприятие каждой из отраслей искусствознания (основные из них – филология, искусствоведение как наука об изобразительном искусстве и архитектуре, музыковедение, театроведение, а с XX века и киноведение). Такая специализированность совершенно естественна по причине ярко выраженной специфичности любого вида художественного творчества и совершенно необходима, поскольку обеспечивает предпосылки для углублённого изучения соответствующей области искусства.

При всём том, в последнее время в среде учёных разных специальностей всё чаще наблюдается стремление выйти за рамки своего профиля. И всё чаще делаются попытки создания исследований на стыке смежных сфер искусствоведения. Так, ещё во многом подспудно и преимущественно в форме предварительных проб, намечаются подступы к формированию всеобщего (универсального) искусствозна-